Панические нарративы об «опасных мигрантах»: возникновение и бытование в условиях эпидемии COVID-19 в России

Борис Сергеевич Пейгин [1]

✉ bspeigin@gmail.com

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи: Пейгин, Б. С. (2020). Панические нарративы об «опасных мигрантах»: возникновение и бытование в условиях эпидемии COVID-19 в России. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 261–279. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-261-279.

С приходом пандемии COVID-19 в Россию в русскоязычных соцмедиа возникло и распространилось большое количество слухов и панических сюжетов. Одной из тем таких сюжетов был страх перед мигрантами. С одной стороны, утверждалось, что в условиях экономического спада и безработицы, которые влечет за собой эпидемия, мигранты будут вынуждены перейти к агрессивным действиям — кражам, грабежам и даже каннибализму. С другой стороны, мигрантов обвиняли в «заразности» и распространении болезни. Важно, что факты и предположения, изложенные в таких текстах, не соответствуют действительности. Такие панические нарративы (авторский термин) не являются, однако, порождением текущей эпидемиологической ситуации. Они существуют в общем контексте мигрантофобии в России, которая имеет длительную историю. Однако во время эпидемии COVID-19 эти нарративы пережили второе рождение. Поскольку во время чрезвычайной ситуации возникают практики дивергенции, размежевания, подобные тексты также являются их воплощением. Во-первых, они позволяют отделить «своих» от «чужих» и сглаживают страх того, что все равны перед болезнью. Во-вторых, они позволяют возложить на «чужаков» вину за потерю коренными жителями привилегий, которыми они обычно пользуются. В статье приводится анализ истории возникновения таких панических нарративов, а также их типологии и структуры.

Ключевые слова: мигранты, пандемия, панические нарративы, ксенофобия, практики дивергенции

Автор выражает глубокую благодарность Александре Архиповой, Дарье Радченко и другим коллегам по группе «Мониторинг актуального фольклора» за неоценимую помощь в работе над статьей. Исследование выполнено при поддержке фонда Михаила Прохорова (программа «Карамзинские стипендии»).

Panic narratives about the "dangerous migrants": Emergence and existence during the COVID-19 epidemic in Russia

Boris S. Peigin [1]

✉ bspeigin@gmail.com

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Peigin, B. (2020). Panic narratives about the "dangerous migrants": Emergence and existence during the COVID-19 epidemic in Russia. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 261–279. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-261-279.

With the arrival of the COVID-19 pandemic in Russia, a lot of rumors and panic stories have arisen and have been spreading in Russian-speaking social media. One of the topics of such stories was the fear of migrants. On the one hand, it was argued that due to economic recession and unemployment brought by the epidemic, migrants would be forced to switch to aggressive actions — theft, robbery and even cannibalism. On the other hand, migrants were accused of being "contagious" and spreading the disease. It is important that the facts and assumptions stated in such texts do not correspond to reality. However, such panic narratives (the author's term) are not a product of the current epidemiological situation. They exist in the general context of xenophobia in Russia, which has a long history. However, during the COVID-19 epidemic, these narratives experienced a rebirth. Since during an emergency practices of divergence and delimitation are present, such texts are a form of their embodiment. Firstly, these texts enable separating of "us" from "strangers" and smoothing out the fear of everyone being equally vulnerable to the illness. Secondly, they enable blaming the outsiders for the loss of the privileges that the citizens normally enjoy. The article analyzes the history of the emergence of such panic narratives, as well as their typology and structure.

Keywords: migrants, pandemic, panic narratives, xenophobia, divergence practices

В апреле 2020 года жители Москвы (и других крупных городов) часто обменивались предупреждениями о том, что нужно соблюдать осторожность при совершении покупок, поскольку в ситуации пандемии оставшиеся без работы мигранты собираются небольшими группами и нападают на горожан, отбирая продукты:

> Ну что началось, сегодня у магазина Лента около 23:00 группа гастарбайтеров отжали тележку с продуктами у женщины с ребенком когда они перекладывали продукты в машину! Будьте внимательны и не ходите поодиночке![1]

> ...так на парковке у гипермаркета «Ашан» двое мужчин азиатской внешности показали 29-летней жительнице Подмосковья отвертку и потребовали отдать пакеты с продуктами, купленными на 8200 рублей. Ранее в столице были арестованы пятеро узбеков, которые напали на улице на отца с сыном и жестоко избили их, отобрав 2000 рублей. Разумеется, всех уже поймали, но! Скоро такого будет еще больше — люди реально выходят на промысел, потому что им нечего есть. На допросах преступники сообщили, что они остались без работы и им нужны были деньги на пропитание и проживание...[2]

Тема о нападениях «голодных» мигрантов интенсивно муссировалась и в федеральных СМИ. Так, «Московский комсомолец» статью с характерным названием «Кочуют из магазина в магазин: голодные мигранты грабят московские супермаркеты»[3] начинает с утверждения: «Слухи о росте преступности в Москве в связи с экономическим кризисом и закрытием многих предприятий из-за коронавируса все же не лишены оснований…». И далее: «...Речь шла не о тихих "крадунах", а о классических разбойниках» [Свешникова, Корсак 2020, 29 апреля].

[1] https://pikabu.ru/story/golodnyie_gastarbayteryi_ograbili_zhenshchinu_s_produktami_na_vyikhode_iz_magazina_7346324

[2] https://vitalidrobishev.livejournal.com/7535921.html

[3] Интересно в этой связи, что одна из публикаций на уже упоминавшемся ресурсе pikabu.ru на ту же тему носит заголовок «Всё-таки не фейк» [https://pikabu.ru/story/vsetaki_ne_feyk__migrantyi_napali_na_ottsa_i_syina_v_moskve_i_izbili_ne_naydya_nichego_tsennogo_7383141].

Несмотря на то, что эти тексты воспроизводятся разными людьми и часто — в спонтанных речевых ситуациях, они являются реализацией одного и того же панического нарратива об «опасных мигрантах». В статье мы рассмотрим, как формируется панический нарратив об опасных мигрантах и как он связан с переживаниями во время эпидемии.

Что такое панические нарративы и как они связаны с практиками дивергенции?

В короткой формулировке «панический нарратив» — это совокупность утверждений, которые выражают страх рассказчика перед некоторыми внешними обстоятельствами. Но не только. Фраза «я боюсь, что гаджеты опасны и интернет вредит детям» представляет собой набор утверждений, но не является паническим нарративом. Как правило, в паническом нарративе рассказчик утверждает валидность своего страха за счет приведения каких-то историй, которые становятся для него аргументом. Эти истории обычно распространяются по каналам grassroots. Высказывание «я боюсь, что гаджеты опасны и интернет вредит детям» превращается в панический нарратив в тот момент, когда рассказчик произносит что-то вроде: «Я боюсь, что гаджеты опасны и интернет вредит детям: я слышал, как детей заманивают в интернет-секты и убивают их таким образом».

Более того: такие тексты возникают в момент наличия опасности как реакция на эту опасность, поэтому рассказчик находится внутри незавершенного события. Панический нарратив и его составляющие являются текстами «с открытым концом» и не предполагают определенного финала. Выражением страха является именно эта неизвестность или неопределенность. Поэтому фраза «прошлым летом я слышал, как детей заманивали в интернет-секты и убивали их таким образом» не является паническим нарративом, а является *рассказом о паническом нарративе*.

Лингвист Тен ван Дейк, изучая процессы порождения спонтанных текстов, пришел к вводу (как и вся когнитивистика), что за порождение текста в повседневном разговоре ответственны макроструктуры, или когнитивные модели ситуации. Эти модели ситуации интегрируют в себя опыт и знания людей об предыдущих ситуациях, и ориентированы «на интерпретацию дискурса, а не фрагментов реального мира» [ван Дейк 2000: 161–169]. Другими словами, какой простой или спонтанный текст не произносил бы человек, за наполнение этого текста ответственны существующие в мозгу «модели ситуации». Это «прокрустово ложе» для любого спонтанного текста. Именно за счет «моделей ситуации» мы все произносим, сами того не желая, похожие тексты.

Панические нарративы об опасных мигрантах возникают спонтанно, то есть они не «читаются с листа», но при этом они клишированы и наполнены повторяющимися паттернами. Это и есть свойство модельной ситуации в терминах ван Дейка, которая отвечает за их разворачивание. При этом, повторимся еще раз, это «разворачивание» ощущается как спонтанное речевое действие, в отличие, например, от выученного заранее наизусть стихотворения.

Утверждения, входящие в панический нарратив, могут в каждом конкретном сюжете и отдельном тексте комбинироваться в любой логической последовательности, поскольку выражением страха является не взаимосвязь этих элементов, а сама их совокупность. Эти утверждения и истории, которые зачастую получаются рассказчиком по неформальным каналам

коммуникации, могут являться *непроверенными* в частном случае или *непроверяемыми* в принципе, то есть представляют собой разновидность слухов.

Нужно понимать, что панический нарратив обладает важной социальной функцией: он может вовлекать людей в коллективные действия. Социолог Шаун Томас показал это на примере белого американского пригорода, куда эвакуировали людей после урагана «Катрина» [Thomas 2007]. Но это не просто коллективные действия — подобные панические нарративы приводят к возникновению практик отмежевания (то есть дивергенции, см. [Архипова 2020]), когда люди с помощью панических нарративов указывают на врага — для того, чтобы указать на источник опасности и научиться, как ее избегать (в ситуации эпидемии COVID-19 люди предупреждали друг друга, что надо осторожно ходить в магазин, за нами следят мигранты). К этому стоит добавить, что в условиях неизвестности и ослабления контроля над ситуацией, конструирование врага, посягающего на жизнь, имущество и общее спокойствие, является способом (иллюзорным) восстановить утерянный контроль [Sullivan, Landau, Rothschild 2010].

Мигрантофобия в России на момент 2020 года

В категорию «мигрантов» как опасных чужаков в традиционном российском восприятии включаются как выходцы из республик Кавказа, так и мигранты из Средней Азии, а также другие «чужаки», например, цыгане. С точки зрения Сергея Абашина, всплеск ксенофобских настроений является способом создания новой идентичности в России после распада СССР. Он же указывает, что восприятие человека как мигранта определяется тем, какое количество социальных и культурных границ разделяют места его проживания и работы. В некотором роде, по выражению Сергея Абашина, правильнее говорить о «воображаемых мигрантах» [Абашин 2012]. Поэтому в панических нарративах, которые разбираются в нашей статье, как правило, речь идет о мигрантах вообще, без уточнения национальностей. По контексту понятно, что это прежде всего трудовые мигранты.

По результатам социологических опросов, если в период 2013–2015 годов происходил резкий спад общей мигрантофобии, то по состоянию на август 2019 года вопрос о мигрантах вернулся в российскую публичную повестку. В 2018–2019 годы все больше россиян признавали проблему мигрантов одной из самых важных. К 2019 году значительно выросла доля тех, кто считает, что приток в страну трудовых мигрантов надо ограничить [Левада-центр 2019]. Елена Данилко в своем исследовании указывает, что к началу 2019 года в российском сегменте YouTube существовал сложившийся образ трудового мигранта как опасного субъекта, претендующего на ресурсы коренного населения, а с помощью лингвистических средств «наша» территория описывается как оккупированная («Москвабад»). Более того, всякий раз после освещения в медиа событий, связанных с насилием со стороны мигрантов, возникает множество видеороликов, в которых этот негативный образ заново конституируется [Данилко 2019]. В наших терминах, любой медийный повод становится причиной нового перерождения панического нарратива об «опасных мигрантах».

Роль видеоконтента в распространении панических нарративов очень важна. Множество панических нарративов, которые появляются в сети, обязаны своим появлением «эффекту онлайн-растормаживания» [Suler 2004]. Согласно Джону Сулеру, есть 6 признаков, отличающих коммуникацию в сети от коммуникации лицом к лицу и способствующих усилению

выражения эмоциональных составляющих в онлайн-дискуссии: диссоциативные анонимность и воображение, невидимость собеседника, его асинхроничность, солипсическая интроекция (достраивание визуального образа в рамках «не-живой» коммуникации) и минимизация власти над высказыванием собеседника. Эта особенность сетевой коммуникации облегчает распространение высказываний, в которых преувеличены панические и «хейтерские» элементы.

Материалы исследования

Материалом для данного исследования стали тексты, собранные исследовательской группой «Мониторинг актуального фольклора», в составе которой работал и автор этой статьи[4]. Группа собирала — количественными и качественными методами — разного рода низовые (то есть распространяемые по неофициальным каналам коммуникации) нарративы, связанные с эпидемией, среди которых ложные предупреждения, псевдомедицинские советы и конспирологические слухи (как правило, такие тексты одни исследователи называют фейками, другие слухами, третьи — misinformation [подробнее см. Архипова 2020]. Всего на момент 15 июня 2020 года зафиксировано 149 микросюжетов (1 микросюжет способен образовать один нарратив). Объем этой информации в социальных сетях с 1 февраля по 1 мая составил более 1,6 млн цитирований (репостов). Сетевой анализ проводился следующим образом[5]: сначала мы выделяли микросюжет и искали его вариации, затем в микросюжеты выделялись ключевые слова, по которым велся поиск в «Медиалогии» — на выходе мы имеем количество текстов, в которых были упомянуты эти ключевые слова.

Таким образом во время пандемии мы зафиксировали несколько типов панических нарративов об этнических чужаках (об их типологии речь пойдет далее). С начала пандемии, в феврале-марте 2020 года, с усилением антикитайской риторики во всем мире, страх перед китайцами появился и в России. Он выражался в слухах о зараженных посылках с китайскими товарами и зараженных бананах (эти слухи были разобраны в отдельной статье [Белянин 2020]). Однако довольно быстро эти слухи сошли на нет, и появились панические нарративы другого рода — об «опасных мигрантах». Именно эти нарративы и являются предметом нашего исследования.

В целом панические нарративы об опасных мигрантах значительно уступают по популярности главным «хитам» — псевдомедицинским сюжетам и конспирологическим слухам о чипировании, тем не менее это не единичные случаи. Самыми популярными в социальных сетях оказываются «предупреждения» о готовящихся нападениях мигрантов: в период с 1 февраля по 1 мая всего они были процитированы более 11 тысяч раз, 257 раз на форумах, 255 раз в блогах, а также 203 в рассылках. Тексты об «автоподставах» гораздо более редкие — 267 раз в социальных сетях, 14 раз в блогах, однократно на форумах, 8 раз в рассылках[6]. Тексты о каннибализме «оголодавших» мигрантов зафиксированы в социальных сетях 10 раз, в блогах — 3 раза, и не зафиксированы в рассылках мессенджеров. Что касается текстов о «заразности» мигрантов, они в период с

[4] В ходе работы над статьей автор являлся приглашенным исследователем Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС по программе «Карамзинские стипендии 2020»

[5] Методика сетевого анализа сюжетов слухов о коронавирусе разработана Дарьей Радченко, членом исследовательской группы «МАФ».

[6] «Рассылкой» мы называем пересылаемые по цепочке сообщения в мессенджерах (WhatsApp и т. д.) и сами эти цепочки. В отличие, к примеру, от постов в социальных сетях, у нас нет возможности предоставить ссылку на эти сообщения.

1 марта по 17 июня 2020 года фиксируются в социальных медиа 5948 раз, что делает этот сюжет достаточно частотным.

Страх перед чужаком или нарушением социального баланса: типы нарративов об опасных мигрантах

Панический нарратив об «опасных мигрантах», как мы для простоты предлагаем его называть, является, конечно, не порождением эпохи пандемии COVID-19, но воскрешением гораздо более старых и устойчивых представлений. Процесс конструирования этнического врага в период опасности, в том числе и во время эпидемий, имеет многочисленные исторические параллели. Так, в средневековых городах во время эпидемий чумы эту роль зачастую «исполняли» евреи, которые представлялись ответственными и за сами эпидемии, и за их последствия [Cohn 2007]. Аналогичным образом, во время эпидемии холеры 1830–1831 годов в России, в качестве врага в массовом сознании фигурировали немцы, французы и поляки [Егоров 2016]. Гастарбайтеры, которых в современной России регулярно обвиняют в совершении самых разных преступлений, являются, таким образом, удобным «врагом», которого можно обвинить в ухудшении жизни.

Можно выделить три современных панических нарратива, посвященных исходящей от мигрантов опасности. Первый из них (можно назвать его «Опасный чужой») описывает опасность столкновения с культурными практиками чужого на своей или нейтральной территории. Этот панический нарратив исследован достаточно хорошо, но, главное, он известен очень давно. К примеру, Билл Эллис описывает относящийся к 1910 году панический сюжет о «похищениях» белых женщин, посещающих кафе, где продают мороженое — подобные заведения в то время принадлежали главным образом мигрантам-итальянцам, а само мороженое было кулинарной экзотикой, связанной в представлении людей с чуждой им культурой [Ellis 2009]. Из примеров более нового времени к этому же типу панического нарратива относятся разнообразные слухи о мигрантах-мусульманах, возникшие в связи с терактами 11 сентября 2001 года, в том числе и о том, что все мигранты-мусульмане — другие в своих проявлениях эмоций: они не сочувствуют горю, но радуются гибели иноверцев, более того — они знали о теракте заранее [Fine, Ellis 2010].

Здесь важно отметить, что хотя триггером появления этих слухов послужили катастрофические события, события эти не сопровождались коллапсом институтов, то есть не вывели общество из привычного «режима» функционирования. Второй тип панического нарратива описывает опасность от внешней группы, связанную с утратой традиционных для нее источников дохода. Такой нарратив только опосредованно связан с тем, что они являются носителями иной культуры, однако он сопряжен с ненормальным, «нештатным» режимом функционирования общества и его институтов, к примеру, со стихийными бедствиями. В панических нарративах второго типа представители чужой группы начинают добывать средства к существованию преступным путем и тем самым представляют для «нас» проблему (эта группу нарративов можно назвать «Вторжение чужих»). Социолог Шон Томас исследует подобные слухи среди жителей в богатом «белом» пригороде Батон-Руж, возникшие в отношении беженцев с территорий, пострадавших от урагана «Катрина» в 2005 году [Thomas 2007].

Наконец, третий тип панического нарратива описывает опасность, исходящую от *культурно чуждых* мигрантов, длительное время проживающих на территории рядом с нами и при этом потерявших средства к существованию в связи с катаклизмом. Этот тип (его можно назвать «Нарушение социального баланса») сочетает в себе, таким образом, признаки двух предыдущих, заимствуя от первого критерий культурной чуждости («дикости») мигрантов, а от второго — экстраординарные условия, в которых он возникает. Но, в отличие от второго типа, речь идет не о людях, вновь появившихся на территории, а существующих in situ, то есть в некотором смысле уже ставших «своими». Именно этот, третий, тип панического нарратива появляется в слухах об «опасных мигрантах» в условиях эпидемии COVID-19 в России весной 2020 года. Разумеется, панические нарративы всех типов существуют не сами по себе, а в рамках общего мигрантофобского контекста, который не является стабильным и меняется с течением времени.

Во всех сюжетах, порождаемых рассматриваемым нами паническим нарративом, мигранты предстают как некоторый обобщенный объект — но именно объект, лишенный собственной воли. Мигранты «совершают преступления» не потому, что они плохи сами по себе — обстоятельства таковы, что они могут только совершать преступления (но не поступать иначе), мигранты разносят заразу, потому что живут в антисанитарных условиях, и не могут ее не разносить. Это лишение мигрантов субъектности тоже, вероятно, является признаком панического генезиса анализируемых текстов, поскольку неявно, но четко противопоставляет лишенного воли (по сути, души) мигранта читателю, который, очевидно, ее имеет.

В рамках исследуемого нами третьего типа панического нарратива можно выделить два подтипа сюжетов. Первый подтип связан с описанием опасности от активных, агрессивных, «наступательных» действий со стороны мигрантов в период действия карантинных ограничений, и сюжеты этого подтипа мы располагаем в последовательности от меньшей опасности, которая приписывается мигрантам, к большей. Второй подтип связан с пассивно причиняемым вредом, который выражается в «заразности» мигрантов. Заметим, что эти риски — как риск существенного роста преступности, так и риск вспышек коронавируса в мигрантской среде — назывались в числе вероятных и некоторыми экспертами, на что указывают в своем исследовании «Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса» Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова и А. Л. Рочева [Варшавер, Иванова, Рочева 2020].

Ниже мы попробуем привести анализ выявленных нами сюжетов обоих подтипов.

Подтип 1: агрессия со стороны мигрантов

Предупреждение о грозящей опасности

На рубеж марта–апреля 2020 года в России, в особенности в Москве, пришелся пик карантинных ограничений. С 30 марта в Москве был введен всеобщий режим самоизоляции[7], с 13 апреля — пропускной режим[8], с 12 мая — масочно-перчаточный режим. Таким образом, в течение очень короткого времени подавляющее большинство привычных социальных практик оказалось разрушено — к примеру, нельзя было гулять, в том числе в парках

[7] https://ria.ru/20200329/1569323145.html

[8] https://echo.msk.ru/news/2624254-echo.html

и зеленых зонах, перемещаться на общественном транспорте. Этому разрушению сопутствовали и экономические потери, связанные с эпидемией (приостановка работы и закрытие предприятий и т. д.): по словам вице-премьера Татьяны Голиковой, только официальное число безработных в России к середине мая выросло вдвое по сравнению с 1 марта 2020 года[9].

На этом фоне в медийном пространстве и мессенджерах возникало и распространялось большое число «панических» текстов, в том числе такая их форма, как панические предупреждения — то есть ложные предупреждения об опасностях и негативных событиях (изменениях социальной реальности), которые «ожидают» всех в будущем. Например, в последних числах марта в мессенджерах массово распространялся следующий текст (орфография, пунктуация и пробелы сохранены):

> ВАЖНО!!! С понедельника 23 марта, за распространение в ватсап, телегамм, инстаграм и др соцсетях про короновирус(шуточки;картинки с приколами) будут взиматься штрафы до 20 МРП, и арест до 15 суток Коллеги, предупредите всех своих. Это официально[10].

Однако источниками опасности в рамках таких предупреждений могли выступать не только власти, а различные агенты, в том числе преступники, нападающие на людей в период эпидемии. Вот пример подобного текста (как и предыдущий, он циркулировал в рассылках мессенджеров в начале апреля 2020 года):

> Пожалуйста предупредите своих знакомых!!! Предупреждение ! Новая вещь происходит сейчас. Люди ходят от двери к двери, раздавая маски. Они говорят, что это новая инициатива местных властей. * Они просят вас надеть маску, чтобы посмотреть, подходит ли она вам. Это * пропитано химикатами с наркотическим действием * После этого они грабят тебя !! Пожалуйста, не принимайте маски от посторонних.лиц *. Помните, друзья, это критическое время, люди отчаялись, уровень преступности будет расти. * Пожалуйста, будьте осторожны[11].

Очевидно, что, помимо собственно предупреждения, подобные тексты объединяют и другие черты: отсутствие указания на источник информации, высокая эмоциональность (краткие восклицательные предложения), а также призыв распространять информацию дальше. Этими же чертами обладают и тексты об «опасных мигрантах» и возможных (или уже случившихся) нападениях с их стороны. Так, например, портал moslenta.ru приводит (23.04.2020) слова руководителя фонда «Развитие миграции» Гульзины Маматахуновой [Войцеховский 2020: 23 апреля]:

> А сколько еще таких ситуаций [преступлений], кто знает? Но что еще делать человеку, если он не кушает по три-четыре дня, когда не может накормить своих детей! Конечно, он пойдет грабить! ‹...› Я живу в Люблино, а здесь проживает более миллиона мигрантов[12]! Если их не кормить, они будут нападать на всех подряд ‹...› Думаю, что пройдет еще максимум дней десять и в Москве могут начаться беспорядки... Мне приходят сообщения и такого содержания: мол, если вы не будете нам помогать, если не пришлете хотя бы гречку, яйца и масло, любые другие дешевые продукты, если нам не поможет государство, мы пойдем воровать, потому что иначе не выжить[13].

[9] https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/golikova-zaavila-o-dvukratnom-roste-bezrabotnyh-v-rossii

[10] https://don24.ru/rubric/zdorove/donskoe-mvd-oproverglo-informaciyu-o-shtrafah-za-shutki-pro-koronavirus.html

[11] https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors

[12] Население района Люблино на 2019 год составляло 172054 чел. Цит. по: [http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar]

[13] https://moslenta.ru/city/golod-krazhi-i-samoubiistva-do-chego-dovel-migrantov-koronavirus.htm

Одновременно в социальных медиа фиксируются многочисленные тексты (посты, комментарии) о том, что мигранты *уже* нападают. Вот, например, текст поста в Facebook от 27.04.2020:

> Друзья, ходят довольно достоверные слухи, что в Москве стало небезопасно выходить из дома вечером. Люди, потерявшие работу, но не успевшие уехать на родину, нападают на москвичей. Преступников быстро ловят, но жертвам таких нападений от этого не легче. Берегите себя, будьте осторожны![14]

Обратим внимание на две особенности данного текста. Во-первых, автор четко противопоставляет «чужих» нападающих и жертв нападения, «москвичей», и это противопоставление, как мы покажем ниже, прослеживается во многих других текстах об «опасных мигрантах». Во-вторых, интересен сам эвфемизм «люди, потерявшие работу, но не успевшие уехать на родину», которым, очевидно, обозначаются мигранты. Показательны и комментарии к посту, например, такие: «Позавчера на подругу напал на Большой Грузинской нерусский, в маске, под видом бегуна» (здесь очевидна параллель с уже упомянутым сюжетом о грабителях и медицинских масках) или «…Страшно думать, что приехало большое количество одиноких сильных мужчин». Таким образом, перечень благ, на которые покушается чужак-мигрант, здесь расширяется и включает в себя не только продукты или деньги, но и «честь», неприкосновенность женщин. Отметим еще, что помимо собственно стигматизации мигрантов такие тексты способны через предупреждение об «опасности» оказать влияние на складывающиеся в условиях карантина социальные практики (совместные походы в магазин и т. п.).

Интересно также, что подобные тексты не конкретизируют, о мигрантах с каких территорий идет речь (применяются общие определения «нерусский», «гости столицы»). Определить обозначаемого в них опасного чужака можно только косвенно, через утверждения о готовности нападать вследствие потери работы, то есть в первую очередь речь идет о выходцах из Средней Азии.

Однако из всех вариантов панического нарратива об «опасных мигрантах» самым заметным и клишированным хронологически (появляется в начале апреля 2020 года) стал текст-инструкция о росте уличной преступности в Москве. Ответственными за этот «рост» объявляются мигранты-гастарбайтеры, оставшиеся без средств к существованию из-за приостановления строительных работ и готовые в буквальном смысле «убивать за еду».

> 1. Криминогенная обстановка по Москве и области неуклонно усугубляется. В первую очередь потому, что закрываются стройки и бывшие рабочие (практически все гости страны) начинают искать денег и чего пожрать.
> 1.2 В связи с этим вам могут попытаться дать по башке за пакет с едой.
> 1.3 Если вы ездите в гипермаркеты, имейте ввиду: у «гиперов» стали появляться «экипажи наблюдения» в виде 3–4 гостей на каршеринге. Выпасают по выносимому, внешнему виду и поведению. Дальше — сами понимаете.
> 1.4 Не светите деньгами, если есть возможность (а где ее в Москве сейчас нет), перейдите на целиком безналичный расчет.
> 1.5 Режим самоизоляции и потенциальный комендантский час (это вопрос ближайшего времени) сильно срежет кривую уличной и квартирной преступности, но, все равно, попытки будут.
> 1.6 После отмены всё далеко не сразу вернется на круги своя. Как минимум, пару недель угроза будет сохраняться (тут всё зависит от продолжительности карантинных мер). Так что, имейте в виду: расслабляться сразу после отмены всего не стоит.

[14] https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=3224707194259149&id=100001597015344

2. Будьте очень внимательны.
2.1 Внезапно образовавшиеся компании во дворе/в подъезде/на районе — это повод для обращения в органы (не надо ждать, лучше перебдеть).
2.2 Человек подозрительной наружности, следующий за вами от магазина, — это повод поискать полицейского.
2.3 Выбитая/выкрученная лампочка в/у подъезда — это повод позвонить домой/соседям, попросить встретить.
2.4 Старайтесь встречать и провожать родных, близких, друзей.
2.5 Отправляясь куда-либо на такси, скидывайте своим близким данные по машине водителю, маршруту и предполагаемому времени в пути. Делайте это так, чтобы водитель этого слышал.
2.5 Не стоит выбегать на улицу, если у вас дома заорал брелок авто-сигнализации. Посмотрите в окно, если собрались выходить: это классическая схема работы по наводке, когда на машину выманивают человека с ключами от квартиры.
2.6 Курьеров и прочих вызванных гостей (за исключением врачей) лучше не пускать дальше прихожей, а все расчеты проводить в дверях. Истории, когда курьеры оказывались наводчиками, не такая уж и редкость.
2.7 Будьте особенно внимательны в своих дворах и подъездах. Не забывайте, что большая часть нападений происходит именно там. Двор — знакомая территория, подъезд — знакомая территория и замкнутое пространство.
3. Положите в карман или в сумку газовые баллончики, лучше струйные, лучше несколько. Также держите баллон дома под рукой — на тумбочке или у входной двери.
3.1 Если дома есть травматическое огнестрельное оружие, держите его в быстром доступе. Напоминаем, речь не о «профессиональных хищниках», а о людях, которые пытаются по легкому срубить денег. На лязг затвора они не попрут.
4. Будьте внимательны при выходе из квартиры. Как показывает практика, бОльшая часть нападений с последующим проникновением в жилище происходит именно при входе/выходе из квартиры. И вообще, обострите внимание в замкнутых пространствах (подъездах), при незнакомом человеке или группе в подъезд лучше не заходить (а также в лифты).
5. Любых представляющихся кем-либо (полицейскими, врачами, электриками, сантехниками и прочими) проверяйте при попытке не только проникнуть в квартиру, но и в подъезд. Напомним, вы имеете право проверить документы, записать номер телефона, по которому можно уточнить, работает ли там такой человек. Если что-то не так, не стесняйтесь вызывать полицию.
6. Почтальоны и прочие курьеры, если не вы их вызвали, отправляются прямо по домофону нахер.
7. Запишите все номера экстренных служб. Участкового, местного ОВД/РОВД, пожарных, жилищников, поликлиники, больницы. Это нужно для того, чтобы вы могли уточнить данные по возможному визитеру или же при необходимости обратиться напрямую, а не через центральный коммутатор.
8. Если вдруг все-таки что-то произошло, и у вас нет возможности оказать грамотное сопротивление (оружие, ГБ, любые средства самозащиты которыми вы профессионально владеете), то не оказывайте сопротивления. Имущество не стоит жизни, а тормозов в плане затыкать ножом в случае такового у «гостей» столицы нет.

Текст первоначально распространялся, по-видимому, в рассылках мессенджеров, а с вечера 01.04.2020 (московского времени) он также фиксируется в территориальных группах правой направленности «ВКонтакте» («Москва — не Содом!»[15], «ЮАО ЗА ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ»[16]) и группе в Facebook «Социальный центр святителя Тихона»[17]. В дальнейшем этот же текст или

[15] https://vk.com/moskva_ne_sodom?w=wall-57326650_57600

[16] https://vk.com/protivtpu

[17] https://www.facebook.com/socdonskoy/posts/3381241688558287 Дата обращения 12.05.2020. Данный источник — единственный, в котором текст имеет указания на авторство, обозначенное как «Юлия Павлюченкова, многодетная мама». Подобная атрибуция выглядит достаточно характерной в смысле практик социальной дивергенции, в том числе по отношению к мигрантам, которые сформировались и бытовали в России, в особенности в столицах, в течение длительного времени.

выдержки из него стали фиксироваться и в региональных группах иных субъектов РФ (в Мурманской области с 02.04.2020[18], в Сахалинской области с 03.04.2020[19]), а со второй половины апреля — и в русскоязычном пространстве за пределами РФ (Одесса, 21.04.2020[20]). О широком распространении текста свидетельствует, например, тот факт, что уже 10.04.2020 он фиксируется в одном из антифашистских блогов под вполне недвусмысленным заглавием «Как жителям московской агломерации уберечься от нападения оголодавших мигрантов?»[21].

В этом тексте отсутствуют маркеры «высокой» панической эмоциональности — многочисленные восклицательные знаки, призывы немедленно распространять текст дальше и т. д. Через исключение повышенной эмоциональности и структурированность текст неявным образом маскируется под экспертный, и это также повышает доверие к нему.

Отсутствуют в тексте и характерные для рассылок-предупреждений ссылки на неназванный авторитетный источник и иную инсайдерскую информацию. Еще одна характерная черта текста — ясная рубрикация и структура, а также своеобразная, но стройная логика изложения. Наконец, самая важная особенность — строгая таргетированность адресата текста: этим адресатом является житель Москвы, причем не всякий житель, а располагающий деньгами на приобретение продуктов питания (которые, по сюжету, и представляют интерес для «голодающих мигрантов»)[22]. Это само по себе встраивает его в контекст масштабного социального отчуждения (дивергенции), набравшего силу в связи с карантинными мероприятиями как в России, так и за рубежом, однако генетическая связь такого подхода шире. Образ враждебного чужака распространяется здесь не только на национальный (мигранты), но и на территориальный («гости столицы») и социальный (курьеры, таксисты) признаки.

Можно предположить, что столь широкое определение «чужих» хорошо коррелирует с практиками дивергенции, «огораживания» (закрытие дворов, подъездов, детских площадок, повсеместное внедрение консьержей и охранников), которые были распространены в Москве задолго до эпидемии COVID-19 и в значительной степени являлись инициативой снизу[23]. В основе текста лежит четкое противопоставление адресата текста (представителя московского среднего класса, то есть носителя привилегий) чужаку, страдающему от неудовлетворения самых базовых потребностей — голода, безденежья, отсутствия крова. Это же противопоставление мы отмечали выше в текстах о нападениях мигрантов, зафиксированных в социальных сетях.

Характерно, что текст, рассчитанный на «стихийно правого» читателя, не только воспроизводился именно в группах правой направленности, но и несколько предшествовал по времени аналогичным по смыслу высказываниям политических деятелей. В частности, независимый кандидат на выборах 2019 года в Московскую городскую думу Роман Юнеман в посте в социальной сети «ВКонтакте» указал, что «Идеальный вариант — расселить их [мигрантов] в специальных лагерях, которые можно организовать, например,

[18] https://vk.com/@arctic51-vasha-bezopasnost-v-koronavirusnyi-period

[19] https://vk.com/wall-37161543_127386

[20] http://slovo.odessa.ua/news/42608-poshagovaya-instrukciya-kak-vyzhit-v-usloviyah-koronavirusnogo-karantina.html Дата обращения 12.05.2020

[21] https://antifashistcom.livejournal.com/1682570.html

[22] Хотя, как мы уже отмечали выше, это не помешало тексту распространиться в регионах и даже за пределами РФ.

[23] https://zen.yandex.ru/media/id/5aec7aa4799d9d0760153880/zachem-nado-ogorajivat-dvor-5e653e3cc7b0b32c09201603; https://zadolba.li/story/25691

на базе неработающих санаториев, детских оздоровительных лагерей, производственных площадок. На базе этих лагерей можно развернуть фабрики по пошиву дефицитного товара: медицинских масок. Сейчас их критически не хватает, как и других средств защиты. Особенно в регионах»[24].

Особенности, которые мы изложили выше, отличают этот текст от прочих панических предупреждений. Эти же особенности демонстрируют не только «подстраивание» под читателя, но и эволюцию подобного рода текстов. Все эти обстоятельства могут способствовать повышению уровня доверия достаточно образованного читателя к изложенным в тексте фактам.

Отметим, что рассмотренный нами текст описывает некоторый «базовый» сюжет, и наилучшим образом иллюстрирует этот нарратив, позволяя ясно вычленить составляющие его суждения, которые мы попробуем изложить.

1. В связи с эпидемией COVID-19 и принятыми карантинными мерами большие массы мигрантов из ближнего зарубежья потеряли работу.

2. Из-за потери работы и отсутствия социальных гарантий даже базовые жизненные потребности остаются для этих мигрантов неудовлетворенными.

3. Исходя из изложенного, мигранты представляют высокую опасность.

Во всех последующих сюжетах, порождаемых анализируемым нами паническим нарративом, эти суждения либо: a). повторяются, либо b). подтверждаются некоторыми фактами (действительными или вымышленными), либо c). их правдивость подразумевается как очевидная для читателя.

Мигранты и «автоподставы»

В двадцатых числах апреля в социальных медиа фиксируются тексты об «автоподставах», устроенных мигрантами. Данные посты восходят к видео, впервые опубликованному в группе «ВКонтакте» «ЧП ДТП Златоуст». На нем запечатлены несколько автомобилей с выбитыми и оцарапанными окнами, а также записка следующего содержания (орфография, пунктуация и пробелы сохранены):

Дорогой мой АВТО ВЛАДЕЛЕЦ!
Я панимаю твою злость и абиду за свою машину но терять мне особо не чего. Жрать осталось дня на 2 и дальше денег нет. Так вот если ты не хочеш штоб твоя машина была облита кислотой или внезапно згорела и были порезаны шыны то отправь на этот номер карты 2 тысячи рублей (приводится номер банковской карты)

Выбери сам удобный способ оплаты. В комментарии к платежу ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИ номер машины и тебя трогать не буду.

Времени на оплату даю сутки. Далее пеняй на себя[25].

Впоследствии подобный сюжет фиксировался и в других городах и регионах, в частности, в Уссурийске[26], о нем также упоминал ряд электронных[27] и традиционных[28] СМИ.

Очевидно, что речь в данном случае идет не о тексте, проистекающем из

[24] https://vk.com/roman_yuneman?w=wall22357297_9433%2Fall

[25] https://vk.com/chp_dtp

[26] https://www.instagram.com/p/B_UCM5Ol3X1/

[27] Например, портал u24.ru [https://u24.ru/news/52751/90-mi-pahnulo-moshenniki-ugrozhayut-yuzhnoural-skim]

[28] Например, Вести-Новосибирск [https://m.nsktv.ru/news/obshchestvo/zhrat_ostalos_dnya_na_dva_novosibirtsev_napugala_zapiska_o_podzhogakh_avtomobiley_230420201535/]

панического сюжета в строгом смысле этого слова, а о сознательной фальсификации, призванной воспроизвести в сознании читателя рассматриваемый нами панический нарратив. Здесь обращают на себя внимание нарочитые ошибки в записке, родственные передаче русской речи нерусскоязычных народов (например, кавказцев) в пародиях и анекдотах («абыдно, слющай»); при этом ошибок нет, например, в далеко не самом обиходном выражении «пеняй на себя». Таким образом, можно предположить, что приведенное видео свидетельствует об обыкновенном случае вымогательства, причем виновные пытаются заставить потерпевших предположить, что преступление совершено мигрантами, ориентируясь, очевидно, на распространенное представление о голоде и нищете среди последних. Отметим при этом, что именно Златоуст, где этот вариант сюжета был зафиксирован впервые, стал эпицентром вспышки COVID-19 в Челябинской области и наиболее пострадал от эпидемии. Кроме того, именно в день появления видео (23.04.2020) появилась новость, что в городе может быть введен пропускной режим[29] в связи с резким ростом числа заболевших. Эти обстоятельства могли косвенно способствовать нарастанию как страха перед инфекцией, так и социальной напряженности, и способствовать снижению критического восприятия у потенциального читателя, чем и поспешили воспользоваться преступники. Заметим при этом, что хотя некоторыми пользователями социальных медиа текст воспринимался именно как написанный малограмотным мигрантом (характерный комментарий: «…по-любому чурка какой-то писал со стройки»[30]), СМИ, даже традиционно правые (например, телеканал «Царьград»[31]) интерпретировали его именно как попытку вымогательства, сознательно маскируемую под совершенную мигрантами. В таком же ключе появление текста комментировали и представители правоохранительных органов (например, в Самарской области) [Филатова 2020, 29 апреля].

Подобные сценарии вымогательства, связанные с угрозой насилия со стороны маргинальных групп, были известны и раньше. По крайней мере, в 2015 году в Ростовской области был отмечен схожий случай: размещение под дворником припаркованного автомобиля записки с требованием заплатить написавшему и с угрозой в противном случае повредить транспортное средство[32]. В отличие от вышерассмотренного текста с имитацией «неграмотной» письменной речи, тогда автор записки утверждал, что является лицом, освободившимся из мест лишения свободы, которое не может из-за этого устроиться на работу, и по этой причине ему нечего терять. Таким образом, один и тот же сценарий совершения преступления (который в восприятии адресата является паническим сюжетом) в разных случаях восходит к двум разным паническим нарративам. В первом случае речь идет о более *ситуативном* страхе перед мигрантами, речь которых нарочито имитирует записка, во втором — о более *постоянном* страхе перед преступным миром вообще. Объединяет же эти панические нарративы то, что «враг» в обоих случаях является маргиналом, чужаком.

Мигранты и каннибализм

Еще один сюжет, производный от панического нарратива об опасных мигрантах — сюжет о каннибализме среди них:

[29] https://ura.news/news/1052428839

[30] https://vk.com/wall-20845272_4543244

[31] https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Fnews%2Fest-nechego-na-oplatu-dva-dnja-rossijskim-avtomobilistam-grobjat-mashiny-i-vymogajut-dengi_249811

[32] Драйв2

> Дочери несколько дней назад, когда она гуляла с собакой, незнакомая женщина на улице сказала про «чурок», которые затащили женщину в подвал, избили и съели...[33]

Хотя официально этот слух никем не опровергался, тем не менее, весьма вероятно, что, произойди подобное преступление в реальности, оно породило бы большой общественный резонанс. А. С. Архипова и А. А. Кирзюк указывают в этой связи, что, поскольку каннибализм является для западного человека табу, утверждения о нем являются четким способом установления символической границы между «нами» и «ними», т. е. своими и чужими [Архипова, Кирзюк 2020: 250]. Таким образом, можно предположить, что подобные слухи могут быть еще одним воплощением — более «наивным», но и более «явным» — идеи дивергенции, аналогичной той, которую воплощает текст об «опасных приезжих, готовых грабить и убивать за еду». А. С. Архипова и А. А. Кирзюк также приводят в своей книге многочисленные примеры слухов о каннибализме, в котором обвиняли представителей чуждой этнической группы в случаях, когда в обществе имела место межэтническая напряженность [Архипова, Кирзюк 2020: 251].

Подтип 2: пассивное причинение вреда

«Заразные» мигранты

Еще один тип панического нарратива об «опасных мигрантах» повествует об их «заразности». Мигранты, как стигматизируемая группа, обвиняются в том, что они разносят инфекцию. Такого рода тексты возникли не в связи с пандемией COVID-19, они были известны и раньше. Например, во время эпидемии свиного гриппа американцы обвиняли в распространении заразы мексиканских мигрантов [Fine, Ellis 2010: 75–77].

Двойное представление о чужаке — как зле агрессивном или пассивно-опасном, заразным своим телом, весьма характерно для позднесоветских слухов и легенд о «гостях из африканских стран», которые способны заражать своим прикосновением и являются, например, переносчиками личинок под кожей [Архипова, Кирзюк 2020: 307–374]. Эти слухи были настолько сильны накануне Олимпиады-80, что проблемой заражения от африканских гостей озаботились на самом высоком уровне [Архипова, Кирзюк 2020: 370].

Тексты 2020 года о «заразности» мигрантов достаточно частотны; частота их появления сопоставима с таковой текстов об «агрессивных» мигрантах (см. выше). Динамика появления этих текстов имеет три четко выраженных пика, которые хорошо коррелируют с внешними событиями, способствующими нарастанию паники. Первый — между 25 марта и 6 апреля 2020 года, когда в Москве вводился режим всеобщей самоизоляции. Второй пик пришелся на время приблизительно с 15 по 18 апреля 2020 года, что соответствует времени введения пропускного режима в Москве (о времени введения ограничений также см. выше). Обе этих меры привели, очевидно, к грубому искажению привычных для людей социальных практик.

Тексты этого типа, которые мы фиксировали в социальных медиа, постулировали повышенную «заразность» мигрантов, также, как тексты предыдущего подтипа — их повышенную «агрессивность». Вот примеры таких текстов:

> При этом на сегодня они завозят заразных мигрантов и ничего их абсолютно не смущает[34].

[33] Н. К., ж., г. Москва, записано А. Архиповой 27.03.2020.

[34] https://www.facebook.com/groups/716563881756785/permalink/3137434179669731/?comment_id=3138822069530942

> А губернатор не хочет себя штрафануть за киргизов, за то что что все косу хотелось приехали в районы и заразили даже глубинки[35].

Однако несколько иной посыл имели тексты, приуроченные к третьему «пику», который пришелся на 10–12 мая 2020 года. В это время все введенные в Москве карантинные ограничения оставались в силе, о чем мы писали выше. При этом с 12 мая 2020 года в Москве возобновили работу промышленные предприятия и стройки [Мелешенко, Рыбникова 2020, 7 мая]. Мы не можем утверждать ни того, что главной причиной такого действия властей послужил страх перед «оголодавшими мигрантами», ни обратного, хотя панический нарратив безусловно проник в речь официальных спикеров. Гораздо важнее, что в логике этого панического нарратива возобновление экономической активности (строек) должно представать желательным событием, поскольку оно, очевидно, возвращает мигрантов к их традиционным занятиям и, таким образом, нивелирует исходящую от них опасность.

Однако реакция на это событие оказалась вовсе не такой, как можно было бы спрогнозировать. В тот же день (07.05.2020), когда стало известно о возобновлении работ в строительстве, политик, бывший депутат Государственной думы Дмитрий Гудков указывает в своем блоге: «То ли дело здоровая атмосфера строек с их "социальной дистанцией" в бытовках. Где логика?»[36]. В таком же духе (и в тот же день) это решение прокомментировал и политик Алексей Навальный: «Как моя утренняя пробежка (где я бегу один на расстоянии нескольких метров от других людей) может быть опаснее с точки зрения эпидемии, чем стройка, где 200 мигрантов живут в вагончиках в условиях скученности, антисанитарии и едят из одного котла»[37].

Хотя обе предыдущих цитаты принадлежат оппозиционным политикам, критически настроенным по отношению к действиям властей, комментарии такого же рода поступали и от провластных спикеров. Так, «Парламентская газета» приводит комментарий первого зампредседателя Комитета Госдумы по охране здоровья Натальи Саниной: «Могу сказать жестко: такие опасения реальны. Потому что никто особенно мигрантов не обследовал, они не учтены так, как бы того хотелось… Я, как медик, естественно боюсь за других людей и не хочу новых вспышек заболеваемости» [Третьякова 2020, 11 мая]. Тексты аналогичного рода порождала и практика раздачи продуктовых наборов, предпринятая некоторыми национальными общинами[38].

В отличие от вышеприведенных постов и комментариев в социальных медиа, которые не идут дальше констатации «заразности» мигрантов, в текстах, появившихся в начале мая 2020 года, приводится «причина» этой «заразности»: «мигранты живут в антисанитарии, а потому являются источником заразы[39], следовательно, возобновление строек опасно». Кроме того, именно в этих текстах прямо говорится о «привилегиях», которые мигранты, выходя на работу, «незаслуженно» получают — в особенности

[35] https://vk.com/plnpsk

[36] https://echo.msk.ru/blog/dgudkov/2638645-echo/

[37] https://echo.msk.ru/blog/corruption/2638431-echo/

[38] См., напр., https://varlamov.ru/3888573.html

[39] Показательное в этом смысле требование жительницы района Сабурово Галины Розвадовской, которое приводит ИА FederalCity: «Запретить строителям во время работы ходить в магазины жилых районов, а также после работы, так как условия, в которых они живут, — антисанитарные…». Цит. по источнику [https://zen.yandex.ru/media/city/v-moskve-vozobnovili-rabotu-stroiki-kak-ocenivaiut-eto-reshenie-merii-deputaty-i-aktivisty-stolicy-5ebaa613f5177f4668b8cf55].

свободу перемещения. В представлении авторов таких текстов, мигранты не только «заразны», но и сама ситуация, когда они могут свободно ходить по улице, а «коренные» жители — нет, несправедлива. Этот вопрос о привилегиях роднит эти тексты с текстами об «агрессивных» мигрантах.

Сравнивая эти два подтипа панического нарратива об «опасных мигрантах», заметим также следующее. Утверждение о наличии опасности, исходящей от потерявших работу мигрантов, и утверждение о наличии опасности от мигрантов, которые вновь вышли на работу, очевидно, противоречат друг другу. «Общим знаменателем» этих двух нарративов оказывается стигма: в них мигранты представляются источником опасности в любом случае, какие бы действия в отношении них не совершались.

Фактическая реальность и панический нарратив

При всем разнообразии рассмотренных нами сюжетов, во всех этих нарративах рост преступности со стороны мигрантов представляется как наличный факт. Говорить о таком росте в то время, как эпидемия и карантинные мероприятия еще не завершились, вообще преждевременно, а имеющиеся выборочные данные свидетельствуют в большей степени об обратном.

Утверждение о выросшем количестве безработных, включая мигрантов, действительно скорее верно (так, по данным телеграм-канала «Социология кризиса»[40], только в Москве работы лишились 1,5 млн мигрантов), но данный факт сам по себе еще не предопределяет рост числа преступлений. Кроме того, как указывает Ирина Ивахнюк, многие мигранты продолжают работать, поскольку задействованы в сфере жизнеобеспечения (ЖКХ и т. д.) [Ivakhnyuk 2020]. Хотя на момент написания этой статьи мы еще не имеем данных об уровнях преступности в России за второй квартал (апрель — июнь) 2020 года, на который пришлись основные карантинные ограничения, статистика по итогам первого квартала свидетельствует не о росте преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ, а, напротив, о ее снижении. В этой связи показательна сама формулировка, в которой об этом сообщает пресс-центр МВД РФ 23 апреля:

> Некоторые эксперты высказывали опасения, что введенные ограничительные меры могут спровоцировать рост числа уличных преступлений, в частности, совершаемых мигрантами. Эти прогнозы не оправдались. Количество преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, уменьшилось на 7,1%. А количество преступлений среди иностранных граждан снизилось на 1,2%, в том числе по убийствам — на 2%, разбоям — на 8,1%, грабежам — на 9,4%, кражам — на 5,5%[41].

Таким образом, предъявляя эти данные, МВД тем самым оказалось не только вовлечено в дискуссию об «опасных мигрантах», но и сам характер этого предъявления можно интерпретировать как попытку «стерилизовать» общественное мнение, что косвенно свидетельствует о широком распространении этой дискуссии. Заметим, что аналогичные по существу заявления МВД делало и в течение апреля [Петров 2020, 23 апреля]. Это демонстрирует устойчивость страха перед мигрантами на протяжении времени.

Не удается обнаружить и данных о массовых вспышках COVID-19 среди мигрантов. Хотя в отдельных общежитиях и хостелах, в которых проживали мигранты, были выявлены очаги заражения [Аптекарь 2020, 27 апреля],

[40] t.me/sociocrisis/68

[41] https://mvdmedia.ru/news/official/kriminogennaya-situatsiya-v-rossiyskoy-federatsii-ostaetsya-stabilnoy/

в целом эпидемиологическая обстановка в этой среде не отличалась от обычной на окружающей территории. Как указывают авторы доклада «Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса», «коронавирус не стал «болезнью мигрантов»» [Варшавер, Иванова, Рочева 2020]. Возможная причина этого заключается в страхе самих мигрантов потерять работу или не получить медицинской помощи, что предопределяет готовность соблюдать установленные ограничения, а также зачастую в отсутствии необходимого медицинского страхования. Та же «Парламентская газета» приводит слова главы Федерации мигрантов России В. В. Коженова относительно масочного режима: «…никто не готов иметь проблемы с полицией из-за того, что у него нет маски… Так что если сказать мигранту: у тебя будет работа, ты начнешь зарабатывать, только нужно носить маску — он будет в ней даже спать» [Мелешенко, Рыбникова 2020, 7 мая].

Заключение: тексты о мигрантах — страх потери привилегий

На фоне эпидемии COVID-19 в России в апреле-мае 2020 года возникает два особых типа панического нарратива о мигрантах. В обоих страх опирается на «объективные» основания, не связанные с разницей религиозных или культурных особенностей. Иными словами, мигранты опасны не потому, что они носители других ценностей. В одном из этих типов представлен страх перед мигрантами, потому что они нападут, так как им нечего есть, а во втором — потому что они могут нас заразить. Таким образом, в обоих текстах мигранты покушаются на «наше» благополучие и «наши» привилегии, поскольку равенство людей перед болезнью (и карантином) лишает преимуществ те группы, которые ими в обычной жизни обладают.

Оба типа панических нарративов говорят о вине мигрантов перед привилегированными жителями городов. Когда карантин всеобщий, то от мигрантов ждут нападений и других преступлений. Когда карантин начинает ослабляться, представление о вине мигрантов в нашем социуме меняется — теперь это их повышенная заразность.

Таким образом, возникающий страх перед голодными и/или заразными мигрантами становится практикой дивергенции — способом, во-первых, выделить и обозначить понятную опасность, во-вторых, дать внятную инструкцию, что надо делать (и поэтому текст-инструкция о том, как избежать нападения мигрантов, так популярен!). И наконец, этот страх — это способ отделить «меня» от «них» и, одновременно, способ объединить «нас». Именно поэтому левые и правые политики начинают произносить по сути одни и те же тексты.

Литература

Абашин, С. Н. (2012). Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм. *Этнографическое обозрение, 2012*(4), 3–13.

Аптекарь, П. (2020, 27 апреля). Пандемия против чужих. *Ведомости*. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/04/27/829122-pandemiya-chuzhih

Архипова, А. С. (2020, 16 апреля). Пандемия: взгляд социального антрополога. *Архэфир*. https://www.youtube.com/watch?v=u5XK7oezXjk

Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2020). *Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР*. М.: НЛО.

Белянин, С. В. (2020). Бойтесь бананов, болезнь приносящих: легенды о зараженных фруктах. *Фольклор и антропология города, III*(1–2), 214–223.

Варшавер, Е. А., Иванова, Н. С., Рочева, А. Л. (2020). *Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса*. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/documents/06-07-2020-varshaver_.pdf?fbclid=IwAR0XZwutkUrveqL0jeW-FgVr5MY90Ti3EtrR4Y_YZ-KQXXJkpIU1KismFeo

Войцеховский, Б. (2020, 23 апреля). Голод, кражи и самоубийства: до чего довел мигрантов коронавирус. *Мослента*. Режим доступа: https://moslenta.ru/city/golod-krazhi-i-samoubiistva-do-chego-dovel-migrantov-koronavirus.htm

Данилко, Е. (2019). Конфликты, связанные с мигрантами, на Youtube.com. *Этнографическое обозрение, 2012*(3), 10–23.

Дейк, ван Т. А. (2000). Когнитивные модели этнических ситуаций. В Т. А. ван Дейк. *Язык. Познание. Коммуникация,* 161–190. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Егоров, А. К. (2016). «Это, видно, Польша подкупила докторов так морить…»: к вопросу об источниках возникновения агрессивных слухов во время эпидемии холеры 1830/1831 гг. в России. *Научный журнал, 8*(9), 32–34.

Левада-центр. (2019). *Мониторинг ксенофобских настроений, 2019 г*. Режим доступа: https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/

Мелешенко, А., Рыбникова, И. (2020, 7 мая). Приглашают на выход. В Москве и области заработают стройки и промпредприятия. *Российская газета – столичный выпуск*. Режим доступа: https://rg.ru/2020/05/07/reg-cfo/v-moskve-i-oblasti-zarabotaiut-strojki-i-prompredpriiatiia.html

Петров, И. (2020, 23 апреля). Криминал не растет. Всплеска преступлений мигрантов не выявлено. *Российская газета*. Режим доступа: https://rg.ru/2020/04/23/mvd-vspleska-prestuplenij-so-storony-migrantov-ne-zafiksirovano.html

Свешникова, Е., Корсак, Л. (2020, 29 апреля). Кочуют из магазина в магазин: голодные мигранты грабят московские супермаркеты. *Московский комсомолец*. Режим доступа: https://www.mk.ru/incident/2020/04/29/kochuyut-iz-magazina-v-magazin-golodnye-migranty-grabyat-moskovskie-supermarkety.html

Третьякова, М. (2020, 11 мая). Мигранты возвращаются на московские стройки: стоит ли ждать вспышек COVID-19? *Парламентская газета*. Режим доступа: https://www.pnp.ru/politics/migranty-vozvrashhayutsya-na-moskovskie-stroyki-stoit-li-zhdat-vspyshek-covid-19.html

Филатова, А. (2020, 29 апреля). Кислота, поджог или порезанные шины: самарцы обсуждают в соцсетях записку с угрозами на автомобилях. *Комсомольская правда – Самара*. Режим доступа: https://www.samara.kp.ru/online/news/3849569/

Cohn, S. K. Jr. (2007). The Black Death and the burning of Jews. *Past & Present*, *196*(1), 3–36.

Ellis, B. (2009). Whispers in an ice cream parlor: Culinary tourism, contemporary legends, and the urban interzon. *Journal of American Folklore, 122*(483), 53–74.

Fine, G. A., Ellis, B. (2010). *The global grapevine. Why rumors of terrorism, immigration, and trade matter*. Oxford: Oxford University Press.

Ivakhnyuk, I. (2020). Coronavirus pandemic challenges migrants worldwide and in Russia. *Population and Economics, 4*(2), 49–55.

Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, *7*(3), 321–326.

Sullivan, D., Landau, M. J., Rothschild, Z. K. (2010). An existential function of enemyship: Evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control. *Journal of Personality and Social Psychology, 98*(3), 434–449.

Thomas, S. A. (2007). Lies, damn lies, and rumors: An analysis of collective efficacy, rumors, and fear in the wake of Katrina. *Sociological Spectrum*, *27*(6), 679–703.

References

Abashin, S. (2012). Central Asian migration: Practices, local communities, transnationalism. *Etnograficheskoe obozrenie, 2012*(4), 3–13. (In Russian).

Aptekar, P. (2020, April 27). The pandemic versus outsiders. *Vedomosti.* Retrieved from https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/04/27/829122-pandemiya-chuzhih (In Russian).

Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). *Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Arkhipova, A. (2020, April 16). The pandemic: A view of a social anthropologist. *Arkhefir*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=u5XK7oezXjk (In Russian).

Belyanin, S. (2020). Beware of bananas bringing disease: Legends of infected fruit. *Urban Folklore & Anthropology, III*(1–2), 214–223. (In Russian).

Cohn, S. K. Jr. (2007). The Black Death and the burning of Jews. *Past & Present*, *196*(1), 3–36.

Danilko, E. (2019). Migrant conflicts on Youtube.com. *Etnograficheskoye obozreniye, 2012*(3), 10–23.

Dijk, van, T. A. (2000). Cognitive models of ethnic situations. In T. A. van Dijk. *Language. Cognition. Communication,* 161–190. Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene. (In Russian).

Egorov, A. (2016). "It is evident that Poland bribed doctors to do this...": On the question of the sources of aggressive rumors during the cholera epidemic of 1830/1831. *Science Journal, 8*(9), 32–34. (In Russian).

Ellis, B. (2009). Whispers in an ice cream parlor: Culinary tourism, contemporary legends, and the urban interzon. *Journal of American Folklore, 122*(483), 53–74.

Filatova, A. (2020, April 29). Acid, arson or cut tires: On social networks, Samara residents discuss a note threatening cars. *Komsomolskaya Pravda — Samara.* Retrieved from https://www.samara.kp.ru/online/news/3849569/ (In Russian).

Fine, G. A., Ellis, B. (2010). *The global grapevine. Why rumors of Terrorism, immigration, and trade matter*. Oxford: Oxford University Press.

Ivakhnyuk, I. (2020). Coronavirus pandemic challenges migrants worldwide and in Russia. *Population and Economics, 4*(2), 49–55.

Levada Center. (2019). Monitoring of xenophobic sentiments, 2019. Retrieved from https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/ (In Russian).

Meleshenko, A., Rybnikova, I. (2020, May 7). They invite you to leave. Construction projects and industrial enterprises will resume working in Moscow and the region. *Rossiyskaya gazeta — stolichniy vypusk.* Retrieved from https://rg.ru/2020/05/07/reg-cfo/v-moskve-i-oblasti-zarabotaiut-strojki-i-prompredpriiatiia.html. (In Russian).

Petrov, I. (2020, April 23). Crime is not growing. No surge in crimes committed by migrants has been noted. *Rossiyskaya gazeta.* Retrieved from https://rg.ru/2020/04/23/mvd-vspleska-prestuplenij-so-storony-migrantov-ne-zafiksirovano.html. (In Russian).

Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, *7*(3), 321–326.

Sullivan, D., Landau, M. J., Rothschild, Z. K. (2010). An existential function of enemyship: Evidence that people attribute influence to personal and political enemies to compensate for threats to control. *Journal of Personality and Social Psychology, 98*(3), 434–449.

Sveshnikova, E., Korsak, L. (2020, April 29). They wander from store to store: Hungry migrants rob Moscow supermarkets. *Moskovskiy komsomolets.* Retrieved from https://www.mk.ru/incident/2020/04/29/kochuyut-iz-magazina-v-magazin-golodnye-migranty-grabyat-moskovskie-supermarkety.html. (In Russian).

Thomas, S. A. (2007). Lies, damn lies, and rumors: An analysis of collective efficacy, rumors, and fear in the wake of Katrina. *Sociological Spectrum*, *27*(6), 679–703.

Tretyakova, M. (2020, May 11). Migrants return to Moscow construction sites: Should we expect COVID-19 outbreaks? *Parlamentskaya gazeta.* Retrieved from https://www.pnp.ru/politics/migranty-vozvrashhayutsya-na-moskovskie-stroyki-stoit-li-zhdat-vspyshek-covid-19.html. (In Russian).

Varshaver, E., Ivanova, N., Rocheva, A. (2020). Predicament of migrants in Russia during the coronavirus (COVID-19) pandemic: Survey results. Retrieved from https://www.ranepa.ru/documents/06-07-2020-varshaver_.pdf?fbclid=IwAR0XZwutkUrveqL0jeW-FgVr5MY90Ti3EtrR4Y_YZ-KQXXJkpIU1KismFeo (In Russian).

Voitsehovkiy, B. (2020, April 23). Hunger, theft and suicide: What the coronavirus has brought migrants to. *Moslenta.* Retrieved from https://moslenta.ru/city/golod-krazhi-i-samoubiistva-do-chego-dovel-migrantov-koronavirus.htm (In Russian).